

Полеви́кова О.Б. Методологическая сущность словоцентризма в контексте синергетики Павла Флоренского / О.Б.Полеви́кова // **Transformacja środowiska międzynarodowego i jego wielowymiarowość**, Tom 5, R. Kor-donski, A. Kordonska, D. Kamilewicz-Rucińska (red.), Lwowski Uniwersytet Narodowy im. Iwana Franki, Lwów-Olsztyn 2017, 426 с., авт.: s.407-418.

Полеви́кова Ольга Борисовна,
доцент кафедры педагогики дошкольного и начального образования
Херсонского государственного университета, г.Херсон, Украина;
тел. 097 30 000 77, polevikov@list.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СЛОВОЦЕНТРИЗМА В КОНТЕКСТЕ СИНЕРГЕТИКИ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Автором обосновано природу языка в философской концепции Павла Флоренского (1882-1937) в контексте словоцентричной направленности языкового образования и речевого развития детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста: синергетическое понимание сущности языка как неповторимой символической системы, «уровни» магии человеческого слова, роль составляющих слова в познавательной энергии человека; этапы синергетики мыслительных процессов.

Ключевые слова: методология языка, Павел Флоренский, синергетика, словоцентризм языкового образования детей.

Переход на новые стандарты, программы и учебно-методическое обеспечение дошкольного и начального образования побуждают ученых и практиков к поиску эффективных путей оказания маленьким гражданам Украины качественных образовательных услуг.

Каждая образовательная линия, образовательная отрасль вносят свой вклад в формирование ключевых компетентностей детей, обеспечивая этим практические и развивающие результаты начального образования в отношении каждой личности¹.

В лингводидактике актуализируется необходимость разработки словоцентричного обучения языку и речи, благодаря которому воспитанники могли бы свободно владеть

¹ Савченко О.Я., Дидактика початкової освіти, Київ 2012, с.143.

словом, были способны успешно пользоваться языком (всеми видами речевой деятельности) в процессе общения, познания окружающего мира, решения жизненно важных задач².

Исследование словоцентричной направленности языкового образования и речевого развития детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста невозможно без выяснения методологических основ этого лингводидактического понятия.

Под методологическими ориентирами подразумевают теории, подходы, принципы, требования, характеристики, критерии, которые служат инструментарием для познания истинности бытия.

В современной науке методологию рассматривают как многоуровневое, сложное, разноаспектное явление. В данной работе мы будем руководствоваться значением термина «методология» в широком понимании: методология как система теоретических знаний, которые выполняют роль руководящих принципов, орудие научного поиска и конкретных способов реализации требований научного анализа³.

Именно с этих позиций мы обратимся в первую очередь к лингвофилософии.

Термин «философия языка» впервые вошел в научный оборот в немецкоязычном пространстве второй половины XVIII века благодаря трудам таких философов, как Г.-К.Лихтенберг, И.-Г.Аман, И.-Г.Гердер, Г.Якоби, В.фон Гумбольдт. Но до 50-х годов XX века в мировом языкознании философия языка чаще всего ассоциировалась с лингвистическим структурализмом, несколько позже – с генеративной грамматикой, теорией искусственного интеллекта. В 60-х – середине 80-х годов XX века наиболее полным воплощением философии языка считались прагматичные студии живых языков, осуществляемые в рамках исследования значения выражений языка, контекстного употребления языка и его единиц (труды Г.-П.Грайса, Д.Дэвидсона, Дж.-Г.Остина, П.Стросона, Н.Малкольма и др.), изучения речевых актов и, соответственно, илокутивных сил, заложенных в них (труды Дж.Остина, Дж.-Сьорла, З.Вендлера, Д.Вандервекена и др.), импликаций и имплицатур дискурса (труды Г.-П.Грайса, Дж.-Г.Лича, Г.Парре и др.).

² Polevikova O., The specifics of providing the continuity in native language teaching children based on wordcentrism, Proceedings of the 2nd International Academic Congress "Fundamental and Applied Studies in America, Europe, Asia and Africa" (USA, New York, 27 September 2014) 2014, s. 196-200.

³ Бацевич Ф.С., Філософія мови. Історія лінгвофілософських учень, Київ 2008, с.21-22.

Дж. Ламарк утверждает, что настоящее развитие лингвофилософских идей началось только в 70-80-е годы XX века как постепенное «перетекание» от лингвистической философии оксфордской и кембриджской школ к собственно философии языка⁴.

В конце 80-х годов XX века философия языка начала стойко ассоциироваться с когнитивными направлениями исследований. Изменение проблематики, связанное с когнитивной переориентацией философов языка, в 80-х – середине 90-х годов XX века определяется как переход от философии языка к философии сознания. В научных исследованиях Дж. Скорупски («Значение, употребление и верификация»), Ч. Трэвиса («Прагматики»), Е. Крейга («Значение и личность») и других философов язык рассматривается как носитель одного из типов знаний наряду со знаниями о мире и человеке в нем. Исследуются категории языка в тесных связях с сознанием, мышлением, всей сущностью человека как социального и биологического существа. Некоторые из ученых этого периода постулируют возможность существования когнитивной философии языка. Философия языка уже не воспринимается исследователями как нечто целостное; речь идет о разных философиях языка с разной исследовательской проблематикой.

На Западе методологические проблемы языкознания изучали Г.Фреге, Б.Рассел, К.Айдукевич, В.Квин, Н.Хомский и др. Именно это направление исследований можно назвать философией лингвистики и воспринимать как раздел научной метатеории, объектом которой является не столько речь, сколько наука о языке.

Коренной перелом в осмыслении предмета исследования философии языка состоялся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Именно в этот период в трудах многих ученых предпринимается попытка четкого определения сущности философии языка и очерчивается круг ее проблем с учетом потребностей науки о языке. В частности, российский исследователь Ю. Степанов считает, что философия языка – это не имя нарицательное для обозначения течений или направлений в философии, а совокупность взглядов на язык, связанных с конкретными философскими течениями. Этот подход к философии языка можно назвать парадигмоцентричным. Он дает возможность внутренне структурировать исследования в этой области знаний, определить ее ретроспективу и перспективу, а также закономерности текущего научного поиска.

В истории развития лингвофилософских идей Ю. Степанов выделяет три важнейшие «парадигмы»: 1) семантическую (философия языка выступает как философия имени); 2) синтаксическую (философия языка отождествляется с философией предиката); 3)

⁴ Там же, с.24.

прагматическую (философия языка рассматривается как «философия эгоцентрических слов»)⁵.

Современный российский философ С. Ячин описывает следующие четыре парадигмы понимания языка в истории мировой научной мысли:

1) парадигма имени. В ее пределах вещи, как и люди, имеют имена, но люди имеют собственные имена, а вещи – только родовые. Основные идеи логики: классы, родовые определения, подходы к определению объема и содержания понятий, исчисление предикатов – все это возникает из логики отношений вещей и слов (имен). На этом основывалась в конце XIX века. теория множеств;

2) парадигма слова. Она связана с религиозной философией средневековья, где образцом выступает слово Творца: «В начале было Слово», «Слово было у Бога и слово было Бог». В этой парадигме происходит символическое сгущение языка в слове, которое может быть познано и дискурсивно развернуто в пределах герменевтических процедур (экзегетики). Мир осмысливается по аналогии с языком как символическое выражение «божественного совершенства»;

3) парадигма мысли. Сформировалась в рамках новоевропейской науки, где речь осмысливается как инструмент или орган мысли и познания. В частности, в концепциях Ф.Бэкона, Р.Декарта, Т.Гоббса речь служит для познания предметного мира и человеческой воли (антропоцентризм языка). Если античные имена должны соответствовать природе вещей, то новоевропейский взгляд на язык предполагает прежде всего выражение мысли или представлений;

4) парадигма общения. Под влиянием «прагматического поворота» в лингвофилософии середины XX века актуализируется категория «другого», соответствующие ей идеи диалога с другим как субъектом⁶.

Изменение философских взглядов на природу лингвальной реальности формирует в науке конкретные образы языка. При этом в рамках лингвистического постижения сущности языка наблюдаются два довольно отличных подхода: а) имманентно-семиологический (язык рассматривается «в самом себе и для себя»). Эта установка наиболее полно воплотилась в структурализме, сформировав образы языка как структуры и системы; б) антропологический (в его рамках язык рассматривается в контексте духовного мира человека). Истоки такого видения сущности языка лежат в концепции немецкого лингвиста и лингвофилософа В.фон

⁵ Бацевич Ф.С., Філософія мови. Історія лінгвофілософських учень, Київ 2008, 239 с.

⁶ Хоружий С.С., После перерыва. Пути русской философии, СПб. 1994, с.448.

Гумбольдта. В соответствии с ней язык является постоянно воспроизводимой работой духа, направленной на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли.

Философский и лингвистический подходы к сущности языка, то есть две разные философии языка, объединяет глубокое внутреннее родство языка и философии как двух символических форм миропонимания – наивного, стихийно-рефлексивного (в языке) и теоретического, рефлексивного (в философии) – с их общей установкой видеть мир как единое целое.

Следовательно, уточнение предмета и объекта исследования философии языка в современной гуманитарной сфере знаний продолжается. Четкое определение предмета философии языка стало требованием времени, приобрело особую актуальность современной когнитивной науки.

Именно поэтому одной из характерных черт современной лингводидактики и философско-лингвистической мысли является переориентация исследовательских приоритетов от системно-структурного рассмотрения языка на интегративное изучение когнитивных потенциалов языковых единиц разных уровней, и прежде всего, лексического. Особое внимание к слову и его значению обусловлена эволюцией лингвистики во второй половине XX в., что сказалось, по определению Ю.Д.Апресяна, «двумя важными прорывами – прорывом в макромир языка и прорывом в ее микромир. Прорыв в микромир приобрел формы словоцентризма или, точнее, лексеоцентризма»⁷.

Не смотря на многовековой опыт лингвистики, понятие «слово» принципиально не определено. В.П.Теркулов в диссертации «Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте» отмечает, что современные лингвисты вынуждены констатировать существование в языке явлений, к которым, кстати, относится и достаточно большое количество композитов определенных типов, которые не подпадают под универсальную дефиницию слова и находятся на грани между словом и не-словом⁸.

Серьезным недостатком указанной концепции является еще и то, что слово в ней нельзя определить и как общезыковую универсалию, поскольку представления о нем в

⁷ Апресян Ю.Д., Идеи и методы современной структурной лингвистики, Москва 1966, с.236.

⁸ Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: автореферат дис. на соискание научн. степени д. фил.наук : спец. 10.02.02 "Русский язык", Київ 2008, с.40.

разных языках различаются. Автор подчеркивает, что причиной несовершенства словоцентричных теорий является стремление найти субстантно основную номинативную сущность, дать ей субстантное определение и рассмотреть через ее призму систему языка в целом.

Однако даже анализ употребления слова показал, что в речи оно может выходить за пределы субстантного тождества самому себе и быть реализованным в единицах, которые формально с ним не совпадают – словосочетаниях, сочетаниях со служебными словами и тому подобное.

По мнению ученого, поиск такой единицы должен осуществляться на двух уровнях речевой деятельности. Во-первых, на уровне языковой номинации, где основная номинативная единица выступает, как структура, механизм, модель номинации.

Во-вторых, на уровне речевой номинации, где она материализуется, приобретает субстантные характеристики и может выступать и в виде слова, в виде словосочетания, и в виде любой другой единицы, настроенной на выполнение номинативной функции. Такая трактовка структуры номинативной единицы не позволяет использовать для ее обозначения термин «слово», поскольку на уровне языка она не может быть отождествлена со словом, как и с любой другой субстантной единицей, а представляет собой структурную схему номинации, на уровне же речи слово является только одной, пусть эмпирически наиболее «угадываемой», возможной реализацией этой основной единицы.

Поэтому для обозначения последней в своей работе В.П.Теркулов использует термин «номинатема»⁹.

В рамках словоцентричного подхода описание лексической семантики чаще всего осуществляется с помощью дефиницийного анализа, что предполагает использование словарных толкований семасиологического, ономасиологического, реляционного уровней. Другими словами, исследование лексического значения по словарным дефинициям позволяет выяснить характер и типы структуры слов, осуществить рассмотрение лексического значения слова в плане его эпидигматики.

Таким образом, терминологическая неопределенность «слова», а вслед за ней, несовершенство определения понятий «словоцентричный подход», «словоцентризм»,

⁹ Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте: автореферат дис. на соискание научн. степени д. фил.наук : спец. 10.02.02 "Русский язык", Київ 2008, с.3.

«лексемоцентризм» в теории, приводят к затруднениям словоцентричной работы в образовательной практике и свидетельствуют об актуальности избранной темы¹⁰.

Современные ученые и педагоги-практики обращают внимание на достаточно распространенное явление – равнодушие детей к словам, отсутствие стремления понять их значение. Это безразличие не только к слову, но и к мысли, к ее нюансам. Ученики остаются глухи к интонациям, мелодичности, окрашенности родного слова, потому что их не учат радоваться слову, любоваться и удивляться ему, восхищаться им (В.И.Аннушкин, В.П.Беломорец, В.М.Вандишев, И.П.Пуговица, А.Н.Зарецкая, С.Ф.Иванова, А.Й.Капская, Н.М.Кохтев, Т.А.Ладыженская, М.Г.Львов, Ю.В.Рождественский, Н.Г.Чибисова и др.).

Коммуникативная деятельность для педагога – это воспитание словом, в основе которого лежит решение профессиональных жизненных задач, связанных с формированием у молодого поколения понимания о мире. В последнее время формы коммуникативной деятельности педагогов существенно меняются, потому что образовательные учреждения становятся далеко не единственным источником получения подрастающим поколением информации. Уровень осведомленности детей значительно повышается благодаря средствам массовой информации и коммуникации. Современная молодежь, в отличие от взрослых, более органично вписывается в новое коммуникативное пространство.

Поэтому своевременное обращение к словоцентричному обучению языку побуждает коммуникативно оправданно использовать язык в наиболее типичных жизненных ситуациях, помогает решать наиболее типичные коммуникативные задачи в пределах учебной, трудовой, бытовой, культурной, общественной сфер общения, не только учеников, но и преподавателей.

Синергетика является сейчас мощным научным направлением, которое объединяет теории сложных систем, теории хаоса и катастроф, теории самоорганизации и некоторые другие, а также новым взглядом человека на мир и самого себя в этом мире, новым диалогом человека с природой, новым синтезом человеческого знания и мудрости, что, хотя и робко, но начинают проникать в лингвистику.

Здесь еще далеко до полного овладения аппаратом этой современной науки и создания лингвосинергетики как мощного направления в науке о языке; можно говорить лишь о формировании отдельных идей, которые более-менее тесно связывают с проблемами сущности и природы живой человеческой речи. В частности, еще робкие

¹⁰ Полевикова О.Б., *Методологія словоцентризму як теоретичне підґрунтя інноваційного підходу до мовної освіти дітей: Сучасні акмеологічні дослідження: теоретико-методологічні та прикладні аспекти*, Київ 2016, с.437-456.

лингвосинергетические исследования касаются проблем самоорганизации языка как сверхсложной системы гетерогенных единиц и категорий с разными темпами развития и режимами обострения на различных этапах; в отношении таких составляющих языка в коммуникации, как дискурс, речевой жанр и речевой акт, все чаще применяют синергетическое понятие аттракторов с соответствующими моделями анализа. Перспективным представляется применение отдельных понятий синергетики к изучению различных типов текста и дискурса, проявления речи в конкретных ситуациях общения, идиостиля писателя, поэтического строя языка в целом, а также языковой суггестии и нейролингвистического программирования. Чрезвычайно важной выглядит проблема создания метаязыка для описания синергетических процессов становления и функционирования сложно организованных систем, которая могла бы играть роль коммуникативного канала для синтеза естественнонаучных и гуманитарных культур и некоторые другие проблемы¹¹.

Исследователи (В.И.Аршавин, Ф.С.Бацевич, В.В.Дементьев, А.А.Кобляков, Е.А.Семенец, Я.И.Свирский, Г.Г.Пиотровский) отмечают сложность использования данных языка, невозможность прямого «трансфера» синергетичных идей в исследование живых человеческих языков. Это не в последнюю очередь связано с тем, что «сущность языка в той мере, в какой она вообще может открыться, – открывается не «инструментальному», а философскому взгляду»; с философской же точки зрения язык предстает прежде всего, как «дом духа» (Н.Хайдеггер).

Мы сделаем попытку обосновать природу языка в философской концепции Павла Флоренского (1882-1937) в контексте словоцентричного подхода к языковому образованию и речевому развитию детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста, разработкой которого занимаемся ныне¹².

Реализации цели исследования будет способствовать, по нашему мнению, решение следующих задач: выяснение особенностей синергетического понимания сущности языка как неповторимой символической системы; характеристика «ступеней» магии человеческого слова; выявление роли частей слова в познавательной энергии человека;

¹¹ Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов, В.С. Степин, Г. Хакен, К. Майнцер и др; В.С. Степин (ред.), Москва 2000, с.159.

¹² Polevikova O., The Basis of word-central approach to language education in preschool and primary school age, «Eastern European Scientific Journal (Gesellschaftswissenschaften): Düsseldorf (Germany)» 2016, nr 1, s. 132-134 pp.

обоснование П.Флоренским магичности слова родного языка, этапов синергетики мыслительных процессов.

Как сфера духа человека, которая в процессах познания чрезвычайно сложно взаимодействует с энергиями мира, возникает речь в концепции Павла Флоренского. Можно утверждать, что еще за полвека до Г.Хакена, который впервые заложил основы синергетики как науки, и более чем за шестьдесят лет до возникновения соответствующего подхода в языкознании русский философ сформулировал идеи синергетической сущности человеческого языка и ее составляющих, в частности слова (имени).

Несмотря на постоянное внимание как ноуменального, так и феноменального миров в их неразрывном единстве в рамках философского символизма, а также тесную связь собственного мировосприятия с глубинной традицией православия, в частности ориентации на творение «отцов» церкви, П.Флоренский свою философскую концепцию называл «конкретной метафизикой»¹³. Последняя – одно из проявлений православной антропологии, стержнем которой следует считать православный энергетизм, согласно которому «человек соединяется с Богом не по сущности, а по энергии»¹⁴, то есть устремлениями, свободными импульсами, внутренними установками, которые человек должен специально выработать и поддерживать¹⁵. Как отмечает С.Хоружий, «бытие – это Космос и символ – такова формула онтологии П.Флоренского»¹⁶.

Для философа речь – «это рояль среди других инструментов духа»; «вечный, незыблемый, объективный Разум, человеческий вечный логос»; в языке заложено понимание бытия¹⁷.

Важнейшей единицей языка является слово. Ученый считает, что человеческое слово магическое в том смысле, что при его помощи человек в процессах познания соединяется с живой природой и, используя язык, может влиять на ми¹⁸. Это влияние становится возможным благодаря тому, что слово «концентрирует энергию духа, как бы проникается им» и при помощи этой энергии влияет на все составляющие мира, в частности на других людей. Слово родного языка в этом процессе играет особую роль: оно – концентр энергии

¹³ Флоренский П., У водоразделов мысли: [Ч. 1], Москва 2006, с.114.

¹⁴ Хоружий С.С., После перерыва. Пути русской философии, СПб. 1994, с.103.

¹⁵ Там же, с.284.

¹⁶ Там же, с.285.

¹⁷ Там же, с.142

¹⁸ Флоренский П., У водоразделов мысли: [Ч. 1], Москва 2006, с.446.

духа отдельного человека и всего этноса; «слово – человеческая энергия и рода человеческого и отдельной личности – открывает через личность энергию человечества».

Для человеческого слова свойственны различные проявления магического воздействия на мир и на других людей, так сказать, «ступени» магичности. По мнению философа, самая высокая мера концентрации духовных энергий присуща именам, в частности собственным именам, которые своей энергетикой часто определяют судьбу людей, которые имеют эти имена. Этой проблеме посвящен отдельный труд философа – «Имена». На низших ступенях проявления энергетической сущности живого естественного языка стоят общие и имена, и слова других частей речи. Накопив за тысячелетия существования языка значительную духовную энергетическую, человеческое слово не может не влиять на других людей, мир в целом: «Как психофизическое явление слово не дымом разлетается в мире, но сводит нас лицом к лицу с реальностью, с энергиями бытия»¹⁹.

Каким образом слово концентрирует познавательную энергию человека, благодаря которой личность может магически воздействовать на мир и на других людей? По мнению философа, эту энергию формируют все составляющие слова: звуковой комплекс (по терминологии автора – фонема), формальная структура слова, которая связывает звучание и значение (или морфема), и, самое главное, его смысловая организация (или семема). При этом автор утверждает, что звуковая организация слова – это не звук вообще... это звук чрезвычайно проработанный, звуковая энергия, весьма тонко организованная, имеющая чрезвычайно систематизированное строение». Фонема слова – «это разчленённый звук, создаваемый живым и разумно-сознательным существом». Магическая функция смысла слова определена его семемой. Философ отмечает, что каждое слово – это симфония звуков, оно имеет огромные исторические наслоения и содержит в себе целый мир понятий»²⁰. Семеме слова родного языка, в соответствии с П.Флоренским, образуют концентры творческих актов познания человеком и этносом мира, «каждый из которых является завершением духовного роста... целого народа... Каждый слой семемы – это кристаллизация в слове духовного процесса, твердения духа». Слои семемы, концентрируя тысячелетний опыт народа, который использует родной язык, как бы «дремлют» в слове, однако, попадая в поток живой речи, семема оживает и наполняется внутренней силой и значением». Со стороны семемы слово – конденсатор воли... всей духовной жизни народа». По мнению философа, слово можно считать живым организмом, в котором фонема является костяком,

¹⁹ Флоренский П., У водоразделов мысли: [Ч. 1], Москва 2006, с.446.

²⁰ Хоружий С.С., После перерыва. Пути русской философии, СПб. 1994, с.448.

морфема – телесной тканью, а семема – душой. Магичность слова родного языка состоит в том, что оно «огромной властью влияет на душевную жизнь сначала того, кто это слово произносит, а потом возбужденной (в говорящем от прикосновения к слову и в слове – от прикосновения к душе) энергией – на тот объект, на который произнесенное слово направлено».

Бытие в его, так сказать, «вещевом» выражении также имеет энергетическую природу, сформированную «двусторонней» сущностью каждого слагаемого; внутренней стороной вещь повернута к себе самой, творя собственную неповторимость; наружной – к другому бытию. Обе стороны любой вещи не механически присоединены друг к другу, а создают единство, саму ее (вещи) суть. Как отмечает автор, по давней философской и богословской терминологии, эти две стороны бытия называют сущностью или естеством, и деятельностью или энергией. Все, что присутствует в мире, отмечает мыслитель, свидетельствует о своем существовании проявлением своей жизни. Это проявление и следует считать энергией сущности»²¹. В момент познавательной деятельности человека эти два типа энергии (собственно человеческий, мыслительный и вещи, которую человек познает) встречаются. Встреча обоих типов энергии порождает непостижимое явление синергии («совместная деятельность») познаваемого (объекта) и познающего (субъекта). Как отмечает исследователь творчества П.Флоренского С.Хоружий, синергетические идеи П.Флоренского в полной мере соответствуют православной доктрине энергетизма, согласно которой в молитвенной практике «человек соединяется с Творцом не по сущности, а по энергии. Последнее понимают как «благодать Божию»²².

Отдельные идеи синергетической сущности языка, но без опоры на традиции христианства, были высказаны еще В. фон Гумбольдтом, который, в частности, писал: «Ни в сфере понятий (то есть в пределах познавательной деятельности), ни в языке как таковом ничто никогда не бывает обособленным. Но понятия находят истинную связность только тогда, когда дух действует с внутренней сосредоточенностью, когда полноценная субъективность освещает объективность, взятую во всей ее полноте. Тогда не потерян ни один из аспектов, которыми предмет способен влиять на нас, и каждый из этих воздействий оставляет невидимый след в языке. Если в душе пробуждается безошибочное чувство, что язык – не просто средство обмена, служащее взаимопониманию, а поистине мир, который внутренняя деятельность духовной силы призвана поставить между собою и предметами, то

²¹ Флоренский П., У водоразделов мысли: [Ч. 1], Москва 2006, с.446.

²² Хоружий С.С., После перерыва. Пути русской философии, СПб. 1994, с.448.

человек на правильном пути к тому, чтобы все больше узнавать в речи и все щедрее вкладывать в нее»²³. Вместе с тем следует отметить, что мыслитель, обрисовав идею в целом, не раскрыл механизмы синергетического взаимодействия человека с миром с помощью языка. Именно это попытался осуществить П.Флоренский в работе «У водоразделов мысли».

Процесс синергии П.Флоренский объясняет так: энергии двух типов проявления бытия (познаваемого и познающего) в момент когнитивной (мыслительной) деятельности остаются несмешивающимися, не растворяются друг в друге, но объединяются по принципу «взаимного прорастания», «энергетического совместного действия», то есть синергетики, в которой уже нет отдельно двух энергий, а есть что-то принципиально новое, что касается духовной природы познающего субъекта, и объекта, который познают, то есть раскрывается энергетически. Вот как метафорично и даже поэтично описывает философ этот процесс совместного действия энергий субъекта (человека) и объекта (вещи): «Познание – это ребенок, плод общения духа, познания, и мира, который познают; соединяя дух и мир в действительном, не умозрительном единстве, этот плод, однако, не означает поглощения ни одного, ни обоих вместе родственников, и они, объединенные и взаимно обогащенные, все же продолжают свое существование как центры бытия ... Связь проявлений бытия, их соотношения и взаимного откровения является чем-то реальным, и, не отрываясь от центров, что его связывают, он не сводный к ним. Эта связь и есть синергия, совместная деятельность типов проявлений бытия, и, безусловно, раскрывает собой бытие – то и то-то». Синергия напоминает резонанс, который несет в себе бытие, что его порождает. Понятно, что человек, который познает мир и является источником познавательной энергии, желает закрепить полученный синергетический результат и создает для этого специальный орган. «Этим органом самопроизвольного установления связи между тем, кто познает, и тем, что узнают, есть слово, а точнее имя, или некий его эквивалент, используемый как имя: метонимия». Подытоживая сказанное о синергетике процесса познания мира, автор отмечает: «Мы только тогда можем выйти и выходим из комплекса своих ощущений, когда признаем брачную встречу объективного с нами. Я могу сказать об акте познания: «Вот я, тот, кто познает солнце, а вот познаваемое мною солнце». Итак, во мне происходит соединение двух энергий... Сочетание энергий имеет название «общая энергия» ... Слово – это синергия познающего и вещи, которую познают ...

Сформулировав идею синергетической сущности языка, П.Флоренский пытается установить этапы синергетики мыслительных процессов. Ученый говорит о двух этапах синергетического процесса познания: первый он связывает со встречей энергий

²³ Там же, с.284.

познаваемого и познающего; второй – с появлением слова. Слово синергии в процессах познания – «это молния. Оно не есть уже ни та, ни та энергия отдельности, ни обе вместе, а – новое, двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире... Слово – это энергетическая изотропа». И далее: «Как новое явление слово полностью держится на точках своего касания; так, мост, который соединяет два берега, не есть тем или другим берегом... слово – это субъект, познающий, и познаваемый объект, удерживаемый переплетающимися энергиями, «слово – это мост между Я и не – Я»²⁴.

Особое внимание философ уделяет родному слову. Слово родного языка, неразрывно и органично связанное с энергиями мира, который окружает определенный этнос, он воспринимает как основу синергетики. При этом оно для П.Флоренского выше, больше, чем «просто» знак, который что-то обозначает в объективной действительности. Слово имеет символическую природу, поскольку оно больше самого себя; оно является двойным: «будучи самим собою, оно вместе с тем является субъектом и объектом познания». Символ, согласно с учением «отцов» церкви, а также философов, которые исповедуют реалистичное (в средневековом понимании) отношение к миру и человеку, как раз и отличается от простых знаков тем, что имеет двойную природу: оно несет в себе энергию познания и энергию познаваемого; это реальность, которая больше себя самой. В противоположность простому знаку, который обозначает вещь (в широком смысле слова), символ синергетически совмещенный с идеей вещи, а не с самой вещью. Так философ, опираясь на давние традиции христианского вероучения, средневековый философский реализм и отдельные положения неоплатонизма, закладывает основы незнакомой, символической природы языка, которые в XX столетии будут прорабатывать Е.Касирер, Е.Гусерль, М.Хайдеггер и другие мыслители.

Завершить наши исследования концепции синергетической сущности языка П.Флоренского стоит словами В.Постоваловой, которая, изучая лингвистические основы философской школы всеединства, отметила, что программа этой школы и идеал, который был для нее базовым, «могут быть стимулом для дальнейшего развития лингвистической мысли как явления культуры и жизни»; в эпоху сциентизма, массового атеизма и позитивизма, когда «сумерки мысли при пышности знаний становятся все гуще» (С.Булгаков), «как сверхважная встает проблема антиизоляционизма науки, доведение ее до истинных первоначал, установление ее связи с глубинными интуициями культуры»²⁵. По мнению Ф.Бацевича, в рамках именно таких интуиций и находится синергетическое

²⁴ Флоренский П., У водоразделов мысли: [Ч. 1], Москва 2006, с.446.

²⁵ Бацевич Ф.С., Філософія мови. Історія лінгвофілософських учень, Київ 2008, с.239.

понимание сущности языка как неповторимой символической системы русского религиозного философа Павла Александровича Флоренского.

Перспективным в плане дальнейшего научного поиска считаем разработку словоцентричной лингводидактической системы, значимой как в интеллектуально-развивающем, так и в чувственно-воспитательном аспектах, а также – анализ развития современной украинской философии языка, которая содержит теоретическое основание словоцентричного подхода к языковому образованию и речевому развитию детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста.

Список источников:

Polevikova O., The Basis of word-central approach to language education in preschool and primary school age, «Eastern European Scientific Journal (Gesellschaftswissenschaften): Düsseldorf (Germany)» 2016, nr 1, s. 132-134 pp.

Polevikova O., The specifics of providing the continuity in native language teaching children based on wordcentrism, Proceedings of the 2nd International Academic Congress "Fundamental and Applied Studies in America, Europe, Asia and Africa" (USA, New York, 27 September 2014) 2014, s. 196-200.

Апресян Ю.Д., Идеи и методы современной структурной лингвистики, Москва 1966, с.305.

Бацевич Ф.С., Філософія мови. Історія лінгвофілософських учень, Київ 2008, с.239.

Богуш А.М., Гавриш Н.В., Дошкільна лінгводидактика: Теорія і методика навчання дітей рідної мови в дошкільних навчальних закладах, А.М.Богуш (ред.), Київ 2011, с.704.

Полєвікова О.Б., Методологія словоцентризму як теоретичне підґрунтя інноваційного підходу до мовної освіти дітей: Сучасні акмеологічні дослідження: теоретико-методологічні та прикладні аспекти, Київ 2016, с.437-456.

Савченко О.Я., Дидактика початкової освіти, Київ 2012, с.504.

Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов, В.С. Степин, Г. Хакен, К. Майнцер и др; В.С. Степин (ред.), Москва 2000, с.535.

Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: автореферат дис. на соискание научн. степени д. фил.наук : спец. 10.02.02 "Русский язык", Київ 2008, с.40.

Флоренский П., У водоразделов мысли: [Ч. 1], Москва 2006, с.446.

Хоружий С.С., После перерыва. Пути русской философии, СПб. 1994, с.448.

Уважаемые коллеги!

*Поскольку в регистрационной форме не было данных о месте проживания,
при положительном результате касательно возможности
напечатать предоставленные мною материалы,
прошу экземпляр монографии выслать по адресу:*

*Херсон, Новая почта, отделение № 8,
Полевиковой Ольге Борисовне
(тел.097 30 000 77 или 0999 033 608)*